

Император Чэнь, по имени Цинь И — И, что значит легкость.

Мой отец был заложником в Великом Цинь. У него не было ни знатной родни, ни расположения правителя, поэтому его, как и следовало ожидать, отправили в стан врага. Сейчас, оглядываясь назад, я с удивлением осознаю, что то время стало для меня редким периодом теплых воспоминаний о родителях.

Было тяжело. Очень тяжело.

Мы были чужаками во враждебном государстве, а Великое Цинь тогда еще не было таким могущественным, как сейчас — настолько сильным, чтобы даже не помышлять об отправке своих принцев в заложники.

Он с детства рос понимающим ребенком. Знал, что у отца и матери нет никакого веса в обществе. Король этой страны не был настолько добр, чтобы заботиться о жизни заложников, лишь бы они не умерли и могли послужить угрозой, если между государствами разразится война.

Но ведь в заложники отправляют тех, кто не пользуется любовью — разве могли они помешать войне, которую затеял король?

Как только начиналась война, первой жертвой становилась их семья.

Неважно, есть от них польза или нет, их убивали просто так, на всякий случай.

Поэтому, когда его обижали старшие дети, он не смел возвращаться домой. Дождался, пока раны затянутся, пока сможет нормально двигаться, и лишь потом прибегал к родителям, делая вид, что просто заигрался, и искал их ласки.

Даже когда он подрос и стал способен дать сдачи, он лишь втайне радовался своим успехам.

Но если посмотреть на это сейчас, разве ребенок может быть хорошим актером?

Они просто боялись. Боялись настолько, что у них не хватало мужества даже спросить о чем-то или утешить сына.

В те годы, когда войны случались реже, когда наступило затишье и ему начало казаться, что так они и будут жить дальше, отца внезапно вызвали обратно в Цинь.

Без матери, без него, не оставив ни единой записки.

Даже сейчас, вспоминая тот день, Цинь И чувствует ледяной холод разочарования.

А мать тогда разразилась проклятиями. Она кляла того человека, кляла его самого. Кричала до тех пор, пока не лишилась сил, пока не рухнула на колени.

Он не сопротивлялся. Когда мать умолкла, он приготовил ей еду и воду, а сам ушел в свою каморку.

Снаружи доносились какие-то звуки, которые вскоре стихли.

Подумав, что мать остыла, он вышел из комнаты и позвал её. Но никто не ответил. Исчезли даже деньги и припасы.

Позже, когда он вернулся в Великое Цинь и обрел власть, он навел справки: она вышла замуж снова и родила других детей.

Точно так же, как и тот человек.

Когда они оба ушли, он тоже покинул то место. Началась война между Великим Цинь и той страной, и поскольку мощь Цинь была несоизмеримо выше, он стал для них единственной мишенью для выплеска ненависти.

Он понимал, что должен вернуться в Цинь, иначе... иначе он здесь погибнет.

Он бежал из той страны, бежал в Великое Цинь.

Перед самой смертью я рассказал об этом Жаню. Он очень расстроился, жалел отца, которому пришлось так много пережить.

А я был рад. Рад за того, прежнего себя.

В те времена в моей голове была только одна мысль — выжить. Какое там горе или страдания?

После бегства в Цинь было еще немало испытаний, прежде чем меня признали наследником и я стал старшим принцем.

Оказалось, что тот человек стал королем и у него появились новые сыновья. После краткого мига отцовской любви последовало лишь отвращение.

Император Чэнь понимал: это было отвращение к его собственному жалкому прошлому.

К счастью, он давно разочаровался в том короле. Опираясь на статус старшего сына и тонкое политическое чутье, он быстро сколотил собственную базу влияния в Цинь.

Никчемный!

Тот человек пытался угрожать ему отцовским авторитетом, требуя передать власть. Марионеточный правитель, управляемый вдовствующей императрицей, не смел бросить вызов тем, кто стоял над ним, и потому решил поживиться за счет собственного сына.

Он согласился на словах, а за спиной заключил сделку с императрицей.

Ей нужен был принц из клана Чу, а мне была нужна власть!

Так и появился Жань...

И действительно, вскоре тот человек скончался. В последней воле было сказано, чтобы я вззошел на престол.

Императрица всё еще надеялась контролировать меня. Я исполнил её желание, женился на принцессе из Чу, у нас родился ребенок, и я сделал его наследным принцем.

Все потеряли бдительность, и за это каждый из них заплатил свою цену.

Я стал истинным правителем Великого Цинь.

Позже я потратил десять лет, чтобы объединить Поднебесную.

Те аристократы, которых я казнил, проклинали меня, предрекая, что я навеки останусь одиноким.

Я был уверен, что этого не случится. У меня был ребенок, который всегда был мне дорог.

Если бы даже Жань предал меня и решил убить, чтобы занять трон, — если бы он смог победить, то почему бы не отдать ему эту империю?

Но этот ребенок не такой.

Он всегда был послушным и рассудительным, не доставлял никаких хлопот, каждый день приносил цветы и ставил на мой стол, говоря, что это поднимет мне настроение.

Однако послушным детям не достается сладостей. Он был слишком похож на меня в юности.

Сначала я использовал его, чтобы захватить власть, но в итоге действительно стал растить его как наследника.

Когда его мать намеренно вызвала у него болезнь, чтобы привлечь мое внимание, я втайне отравил её.

Бог свидетель, когда я увидел Жаня, лежащего в постели бледным и слабым, мне хотелось зарубить её мечом!

Дура!

У Жаня телосложение тоже пошло в меня: болезни и хмель на лице не отражаются, но сейчас его щеки пылали, и я ничуть не удивился, узнав, что это сильный жар.

Я по крупицам растил этого ребенка. От маленького комочка на руках до статного юноши, а затем — до нежного, словно нефрит, наследного принца, который в итоге стал настоящим императором Великого Цинь.

Я люблю тебя, потому что ты — это я в те времена!

Он продолжал приходить ко мне каждый день, всё такой же ласковый.

Позже появился и его наследник.

Жань назвал ребенка Цинь Суй, вложив в имя смысл: сияющий и блестящий, дарующий мир всем землям.

Я думаю, он будет хорошо воспитывать Цинь Суя, по крайней мере, не будет использовать его, как я когда-то использовал Жаня.

Но Жань — поистине прекрасный отец. Характер Суя не такой мягкий и добрый, как у самого Жаня.

Он такой же хладнокровный, как я.

Кроме Жаня, Гу Чэна и меня, Суя никто не волнует.

Впрочем, имея таких достойных наставников, он не станет таким крайним, как я.

В конце концов, он убил сотни тысяч людей...

Первую половину жизни я прожил в предательствах.

Преданный отцом.

Преданный матерью.

Преданный друзьями.

Преданный доверенными лицами...

Но вторая половина жизни прошла в покое и безмятежности: сын управляет государством, в Великом Цинь царят мир и благоденствие.

Эта жизнь — пусть будет такой, тоже неплохо.

Цинь Жань стоял на коленях у постели императора Чэня, и сердце его будто сжимала чья-то железная рука. Было так больно, что не хватало воздуха.

Слушая плач окружающих, Цинь Жань находил это смешным.

За кого они его принимают?

Вы ведь совсем не скорбите. Притворяетесь сейчас, а в обычные дни никто из вас даже не навещал отца!

— Тише! — приказал он.

Не смейте осквернять уши моего отца! К тому же, отец любил тишину и не терпел шума.

Цинь Жань обвел взглядом стоящих на коленях людей. В глазах некоторых принцев и принцесс было немного искренности, но расчетливость, скрытая в их взорах, не могла укрыться от него.

Чиновники отца, за исключением самых близких, лишь сожалели об уходе мудрого правителя, не чувствуя настоящей боли. Казалось, кроме него, никто не скорбел о смерти Цинь И как человека. Все они жалели лишь о смерти императора Чэня.

Цинь Жань осознал это со всей ясностью.

Одинокий правитель?

Ничего. Есть я, я останусь с отцом...

Одетый в траурные одежды, Цинь Жань поддерживал гроб, за ним следовали Гу Чэн и Цинь Суй.

У дороги стояло множество простолюдинов, пришедших проводить императора Чэня в последний путь. Многие из них проделали путь в тысячи ли.

Плач, шепот и рыдания слились в единый гул.

Цинь Жань по всем правилам совершил обряд погребения и смотрел, как запечатывают императорскую гробницу.

Разлука навсегда. У Цинь Жэня закружилась голова, и Гу Чэн, стоявший позади, поддержал его.

— Ваше Величество...

— Я в порядке.

Цинь Жань взмахом руки успокоил чиновников, одарил взглядом своего возлюбленного и медленно обернулся к гробнице.

Отец, я буду ждать нашей второй встречи.

<http://bllate.org/book/21555/2217667>